

в зависимости от конкретных обстоятельств создания документа. Все это имеет важное значение для дальнейшего совершенствования методики источниковедческого исследования.

В. Л. Я И И И

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ XV в.

Внешняя история формирования новгородской денежной системы XV в. отражена двумя сообщениями Новгородской I летописи по Комиссионному списку. Под 1410 г. рассказывается: «Того же лета начаша новгородци торговати промежи себе лоньци и гроши литовскими и артуги немецкими, а куны отложаша, при посадничестве Григорья Богдановича и при тысяцком Василии Васильевиче.¹ Под 1420 г. помещено следующее сообщение: «Начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги попродаша Немцом, а торговаша ими 9 лет». ² Известие 1410 г. помещено в конце годового рассказа, но раньше изложения события 21 декабря; известие 1420 г. — в начале годового рассказа, но после события 25 февраля. Поэтому указание на девятилетний срок достаточно точно соответствует истине.

В настоящее время мы располагаем представлением о наличии в XIII—XV вв. трех главных этапов развития новгородской денежной системы.

Основанная на реальном слитке серебра с нормой 196,2 г, кунная система XIII в. имела следующий вид:

Гриши серебра — 15 гришии — 105 белом — 196,2 г серебра,
Гришии — 7 белом — 13,08 г серебра,
Бела — 1,87 г серебра. ³

С появлением на рубеже XIII—XIV вв. горбатого слитка двойного литья, содержащего 170,1 г серебра и получившего название «рубль», кунная система, как она засвидетельствована летописью 1399 г. и торговых книгах Тевтонского ордена,⁴ приобрела

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 402.

² Там же, с. 412.

³ Я и и и В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. — Вспомогат. истор. дисциплины, III. Л., 1970, с. 176.

⁴ Х о р о ш е в и ч А. Л. Иностранное свидетельство 1399 г. и новгородской денежной системе. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 303.

рела следующие соотношения единиц:

$$\begin{aligned} \text{Рубль} &= 13 \text{ гривен} = 91 \text{ беда} = 364 \text{ кунам} = 170.1 \text{ г серебра,} \\ \text{Гривна} &= 7 \text{ бедам} = 28 \text{ кунам} = 13.08 \text{ г серебра,} \\ \text{Беда} &= 4 \text{ кунам} = 1.87 \text{ г серебра,} \\ \text{Куна} &= 0.467 \text{ г серебра.}^6 \end{aligned}$$

Переход от гривны серебра к рублю, как видим, не затронул мелких единиц системы. От гривны серебра были как бы «отрублены» 2 гривны (отсюда, по видимому, и термин «рубль»), но величина гривны и беда осталась неизменной.

Более глубокие перемены связываются с началом чеканки собственной монеты в Новгороде в 1420 г., когда новгородская денежная система приобрела такой вид:

$$\begin{aligned} \text{Рубль} &= 15 \text{ гривен} = 6 \text{ денег} = 216 \text{ денгам} = 170.1 \text{ г серебра,} \\ \text{Гривна} &= 14 \text{ денгам} = 11.06 \text{ г серебра,} \\ \text{Денга} &= 0.785 \text{ г серебра.} \end{aligned}$$

До 1447 г. в Новгороде продолжали лить горбатые слитки-рубли, а на протяжении всего периода независимости (и вплоть до реформы Елены Глинской в 30-х гг. XVI в.) чеканить денгу, тяготеющую к указанной норме; кроме того, в эпоху независимости там чеканилась «четверетка» — монета с нормой 0.196 г серебра, составившая четверть денги.

При очевидной разнице монетной и кушной систем между ними имеется и существенное совпадение, которое проявляется в двух близких — узловых — элементах. Монетная система наследует величину рубля кушной системы. Кроме того, она усваивает сложившееся ранее соотношение гривны и составляющих ее мелких единиц, основанное на пропорции 1 : 7, 1 : 14, 1 : 28 и т. д., в чем коренным образом отличается от денежной системы Москвы, базирующейся на пропорции 1 : 20.

В то же время резко различны все прочие соотношения. По сравнению с кушной системой увеличивается число гривен в рубле, в котором к тому же содержится нецелое число гривен. Самый вес новгородской денги, чеканка которой началась в 1420 г., неограничен прежним единицам, его генезис остается загадочным, хотя возможно заметить в качестве то очень древние корни этой нормы: «четверетка» (четвертая часть денги) равна тысячной доле гривны серебра, но ведь последняя не употреблялась после начала XIV в.

Автором настоящей статьи вслед за Н. Д. Мец было высказано предположение о заимствовании величины денги в 0.785 г из Москвы, в силу чего принята для чеканки новгородских монет норма стала в неудобное соотношение с рублем, породив в то же время новую величину гривны, построенной с учетом традиционного для Новгорода счета 1 : 7, 1 : 14 и т. д.⁹

⁶ И и и В. Л. Березяние граммы. . . , с. 173.

⁹ Там же.

Между тем существование в Москве в 10-х и 20-х гг. XV в. денги указанного веса было только предположено Н. Д. Мец и высказано в излишне категорической форме.⁷ Выход в свет ее опубликованного посмертно исследования чеканки Василия Темного⁸ сделал очевидным, что дело вовсе не обстоит так просто. Вся сумма наличного материала свидетельствует, что норма, с которой в 1425 г. началась монетная чеканка Василия Васильевича, равна 0.72—0.73 г серебра. Вопрос о норме, по которой чеканились денги Василия Дмитриевича в 10-х и первой половине 20-х гг. XV в., остается совершенно неизученным, но в среднем монета Василия I этой поры тяжелее 0.785 г.

Таким образом, вопрос о происхождении веса новгородских монет требует дальнейшего исследования. В этой связи наиболее важной представляется постановка проблемы о характере воздействия на новгородскую систему того кратковременного двитязевского периода, когда купная система была смещена в Новгороде обращением иноземных монет — литовских и прибалтийских.

Интересные материалы о месте литовского гроша в новгородской денежной системе дает Переписная оброчная книга Деревской пятны, составленная около 1495 г., которая в описании волости Вунце старый доход исчисляет в грошах: «И всех деревень в Вунце по старому шему за Никифором с братьями и с погостом 96, а дворов в них 186, а людей в них 238 человек, а обжа 205, а сох 68 с третью соху. А им же писано в той же волости 10 деревень пустых, а земли под ними на 21 обжа, а в семи деревнях 7 дворов пустых, а земли под ними на 8 обжа. А старого дохода шло с той волости великому князю после монастыря с 15 куниц да с четверги куницы 122 гроша; да окричь того давали за монастырского поборника проезд и за дашь полтину Новгородскую; а хлеба пошном рама 26 коробей. А те денги и хлеб христиане возили в Русу да отдавали Елке подьячему».⁹

Как видим, старое письмо относится уже к московскому времени (после реквизиции юрьевской волости у монастыря, но до отдачи ее в поместье Никифору Языкову; «после монастыря»), но объем дохода установлен таким, каким он был в прежние времена, когда в волость еще приезжал монастырский поборник: 122 гроша и полтина новгородская. Упоминание грошей датирует время установления (корректировки) норм монастырского дохода 10-ми гг. XV в. Чтобы выяснить, изменилась ли доходность волостки в момент составления нового письма около 1495 г., необходимо разбраться в существе и объеме окладной единицы «куницы», упоминаемой при характеристике старого письма.

⁷ Мец Н. Д. Монета великого княжества Московского середины XV века. Василий II (1425—1462 гг.). Автореф. канд. дисс., М., 1955, с. 9—10.

⁸ Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского (1425—1462). — В кн.: Пущымагический сборник, ч. 3, М., 1974.

⁹ ИРК, т. 2. СПб., 1802, табл. 824.

«Куница» фигурирует в летописном рассказе 1478 г. и связи с конфискацией Пушном 111 волостей новгородского архиепископа: «И князь великий пожаловал, у владыки половины волостей не взял, а взял 10 волостей: Порог Лядожьской и земли Порожекаа по обе стороны Волхова, да в Наморье Емелегежьской погост да Кольбалекской погост, а сох в них 40 и пол-4; да в Дреглех погост да Кременицкой погост, в дву тех 50 сох; да на Мете Белая, пол 40 сох в ней; да Утомля 50 сох; да Кирия да Охона 50 сох и пол-3; да Перос, а в ней 80 куниц и две».¹⁰ На первый взгляд в куницах здесь выражен объем только волости Пурос. Но этот объем известен по другому источнику и оказывается равным 307 обжам,¹¹ т. е. 102 с третьей сохи. Подсчитывая общую сумму конфискованных у владыки в 1478 г. земель, мы получаем весьма любопытный результат: $43.5 + 50 + 35 + 50 + 52.5 = 231$ сохо, иными словами, 693 обжам; добавление к ним 307 пуросских обжам дает ровно 1000 обжам, что само по себе характеризует принцип определения объема конфискации, примененный к владичьим землям. Надо полагать, что именно эта сумма в 1000 обжам соответствует 82 куницам, показанным в цитированном летописном отрывке в качестве общего итога.

Если это так, то куница окажется равной 12.2 обжи ($1000 \times 82 = 12.2$), т. е. вступает в иррациональное отношение с обжой. Возможно поэтому высказать предположение, не является ли 1000 обжам выражением объема конфискованной земли, а 82 куницы — показателем ее доходности? Ведь в общий объем владений входило и какое-то небольшое количество бездоходных обжам, которые нахались на себя ирочтом и посельскими. В таком случае можно догадываться, что в действительности куница приравнивалась 12 обжам ($12 \times 82 = 984$ обжи). Естественно, такое предположение нуждается в проверке.

Приложим, однако, эти наблюдения к данным по волости Бунице. Если куница равна 12.2 обжи, то указанные в них 15.25 куниц должны соответствовать 186 обжам ($12.2 \times 15.25 = 186$). Если она равна 12 обжам, то же количество куниц приравнивается 183 обжам ($12 \times 15.25 = 183$). И та, и другая цифра заметно отличается от 205 обжам, обозначенных в старом письме как общий объем волости, и от числа ипнуниц в момент старого письма обжам. А это число было равно 176 (29 обжам тогда были зануспенными). Мы видим, что доход с волости Бунице был фиксированным, поскольку он не соответствует реальному числу доходных обжам, на которые он, вероятно, раскладывался по мере размещения их числа при зануспении деревень и дворов или же, напротив, после появления починок и расширения пашни.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на исключительную близость обеих выведенных цифр (186 и 183) числу дворов.

¹⁰ ПСРЯ, т. XII. СПб., 1901, с. 183—184.

¹¹ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971, с. 88, 119—120 (ГИМ, Отд. рукописей, ф. 342, № 46).

По старому письму и волости Буец было 186 дворов, по из них три на погосте (владельческий, пона и пономаря) — бездоходные.¹² Не имеем ли мы дело с религиозным нечисленным доходности владения, основанным на принципе подворного обложения? И не возникает ли обжка из первоначальной окладной единицы «двор»? Заметим, что обжку, кроме шнецовых книг, знает только летопись под 1478 г. и что в это время она обладала признаками нововведения, поскольку новгородцам пришлось разъяснять Ивану III ее сущность, когда он «велел их спросити: „что их соха?“. И они сказали: „три обжки соха; а обжка один человек на одной лошади ореть; а кто на 3-х лошадех и сам третьей орет, шно то соха“».¹³

Посмотрим теперь, что изменилось в волости Буице к 1495 г. «И по новому письму деревень в погосту и с пустоши 113 да починок. . . . В промежуток между старым и новым письмом прибавился только один пока еще бездоходный починок, так как и по старому письму деревень также было 113 (96 живущих, 10 больших пустых и 7 однодворных пустых). Практически не изменилось и число дворов: «а дворов в них: 5 дворов боярских, а людей из 4 дворя, да понов двор, да сторожок, а христианских дворов 174. . . да пустых дворов 10. . . . По старому письму считалось 186 живущих дворов, по новому — 185. Обжек по старому письму было 205, однако 29 из них, как уже отмечено, пустовали (21 в больших держаниях и 8 в однодворных); следовательно, живущих было 176.¹⁴ По новому письму считается 174 с третьей обжки, по из них «Минифор с братьею напиет на себя 3 обжки. . . , да пои со сторожком напиет на себя обжку. . . , а с 15 обжек дохода нет, пусты, да с третья». Общее число бездоходных обжек равно, таким образом, 19 с третья, а доходных — 155, почему и «схода с полутораэта и с 5 обжек денгами восемь рублей Новгородцкии и 6 гривен», не считая натуральных доходов. Кроме того, по новому письму ключничий доход денгами исчисляется в 9 гривен с денгаю.¹⁵

Допуская сохранение фиксированной суммы дохода и в 1495 г., мы получаем возможность признать равенство 122 гривен и новгородской полтины старого дохода с 8 рублями и 6 гривнами плюс 9 гривен с денгаю (т. е. с 8 рублями 15 гривнами 1 денгаю) нового дохода. Последняя сумма равна 1939 денгам, а за вычетом полтины (108 денег) — 1831 новгородской денге. Простейшее деление устанавливает, что в одном гроне содержалось ровно 15 новгородских денег. Если выразить эту сумму в серебре, она окажется равной 11.77 г.

¹² Таковы же они, естественно, остались и при новом письме. См.: ШНК, т. 2, стлб. 806.

¹³ ПСРЛ, т. XII, с. 184.

¹⁴ В общей итоге по Буице и Молытицкой волости Лаврова шнецы ошибочно приписывали 29 обжек к 205, а не вычли их (ШНК, т. 2, стлб. 826).

¹⁵ Там же, стлб. 824—825.

Монет такого веса никогда не существовало, поэтому очевидно, что под «грошами» писцової книги понимается «скопа грошей» — наиболее употребительная в денежном счете Литвы XV в. счетная единица, которая соответствовала 60 монетам. Если это так, то монета должна быть равна 0.196 г серебра ($11.77 \text{ г} : 60 = 0.196 \text{ г}$). Проверим это предположение.

В первой четверти XV в. в Литве и Белоруссии чеканились монеты в 0.397 г , т. е. ровно вдвое тяжелее, нежели подсчитанная величина, однако они имели пробу 0.497 , т. е. ровно вдвое меньшую, чем у новгородской денги. Следовательно, реальное содержание серебра в литовской монете этого периода равнялось 0.196 г .¹⁶

Но величина 0.196 г серебра — это не только реальное выражение литовской монеты, это и четверть новгородской денги, чеканившейся после 1420 г., это и вес реальной монеты Новгорода — «четверогца», выпускавшейся в XV в., это и величина «почки». Под 1447 г. летопись сообщает: «начаша переливати старыя денги, а новыя ковати в ту же меру, на 4 почки таковых же...».¹⁷

В рациональном отношении с литовской монетой оказываются и ливонские артиги, и «любекские». В кладах с середины XIV в. и до денежной реформы 1422—1426 гг., — пишет А. П. Молыгин, — встречаются два вида местных двухсторонних монет: одни — весом в $1.0—1.2 \text{ гр}$, другие — в $0.36—0.42 \text{ гр}$. В результате исследования письменных источников удалось установить, что первые из этих монет были артигами, вторые назывались просто «любекскими».¹⁸ В результате ухудшения чекана вес артигов после 1390 г. упал ниже 1 г , но их практическое отсутствие в кладах первых двух десятилетий XV в. говорит о решительном преобладании в торговом обороте старых артигов, чеканных в третьей четверти XIV в. Между тем содержание серебра в артигах этой поры равно $0.73—0.79 \text{ г}$.¹⁹ Что касается «любекских» (которые в летописном сообщении 1410 г. названы «лошцями»), то, составив три артига, «любекский» содержал $0.24—0.26 \text{ г}$ серебра. Очевидное тождество такого артига позднейшей новгородской денге позволяет признать его нормой 0.785 г , а нормой «любекского» — 0.261 г .

Посмотрим теперь, как эти единицы встраиваются в систему. Поскольку принятие в новгородское денежное обращение иноземных монет в 1410 г. сопровождалось сохранением рубля и

¹⁶ Ф о д о р о в Г. В. Классификация литовских слитков и монет. — ИСВИМК АН СССР, 1949, вып. 29, с. 115.

¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 427.

¹⁸ М о л ы г и н А. П. Денежное обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XIII—первой половине XVI в. Автореф. канд. дисс., Таллин—Л., 1967, с. 10.

¹⁹ Там же, с. 15.

в 170.1 г, то рубль = 216 артигам = $\frac{6}{8}$ «любекским» = 864 литовским монетам.

Коль скоро после 1420 г. рубль делился на 216 денег или на 864 «четверетца», очевидно, что новгородская денга и «четверетца» соответственно наследуют нормы артига и литовской монеты, признававшиеся законными в 1410—1420 гг. К тому же девятилетнему промежутку следует относить формирование новгородской гривны XV в., так как принципиальных изменений в систему денежного счета начало монетной чеканки в 1420 г. внести не могло.

Денежную систему 1410—1420 гг. возможно поэтому реконструировать следующим образом:

Рубль = 12 гривен + 6 артигов	= 216 артигов	= 648 любек.	= 564 литов.	= 170.1 г сер.
Гривна	= 18 артигов	= 42 любек.	= 50 литов.	= 11.00 г сер.
	Артиг	= 3 любек.	= 4 литов.	= 0.785 г сер.
		Любекский	= 1.33 литов.	= 0.291 г сер.
		Литовский	=	0.191 г сер.

Особое место в этой системе занимает «любекский». Кроме рубля, он оказывается еще одним важным звеном, связующим новую систему денежных единиц с предшествующей кунной системой, поскольку старая гривна (13.08 г серебра) равна 50 «любекским». Как уже отмечено, единицы новой системы встанут в простейшую рациональную связь и с древней гривной серебра (196.2 г). Артиг укладывается в ней ровно 250 раз, а литовская монета — ровно 1000 раз.

Последнее соответствие позволяет поставить вопрос о существовании термина и величины «пючки». Приведенное выше латвийское свидетельство 1447 г. говорит о равенстве «пючки» и «четверетца» (последний, как мы уже знаем, тоже равен литовской монете). Между тем «Торговая книга» конца XVI в. определяет «пючку» иначе: «А золотник весит денгами 1 алтын с полуденгой. В золотнике почек 25, а почка тянет одну полушку, а полночки полшолушку».²⁰ Алтын с полуденгой в конце XVI в. весил 2.21 г, поэтому в первой фразе цитированного отрывка очевидна ошибка: нужно «2 алтына с полуденгой» (4.25 г). Полушка тогда же имела норму 0.17 г, что полностью соответствует делению золотника на 25 почек. Но ведь норма полушки является в то же время величиной, равной тысячной доле предшествующего реформе Елены Глинской новгородского рубля (170.1 г). Не является ли «пючка» условной и подвижной величиной, составлявшей тысячную долю предшествующей основной денежной единицы? Такая величина крайне нужна для пересчетов, необходимых при проведении денежных реформ.

Причина отказа Новгорода от употребления иноземной монеты в 1420 г. и перехода к собственной чеканке достаточно ясны. В 1420 г. в Ливонии началось осуществление денежной реформы,

²⁰ Сахаров И. Торговая книга. — Зап. Отд. русской и славянской археологии Археолог. об-ва, т. I. СПб., 1851, отд. III, с. 114.

и ходе которой были введены новые монеты с иным содержанием серебра, истинные и иррациональные отношения с единицами новгородской денежной системы.²¹ Сложнее вопрос о причине принятия иноземных монет и ликвидации кушной системы в 1410 г. Решаемся предложить следующее объяснение.

Около 1408—1410 гг. в русском денежном обращении происходит ряд существенных местных перемен. В 1409 г. в Пскове «отложиша кунами торговати, и оттоде начаша поизязми торговати».²² Примерно в 1408 г. заметно уменьшается вес монет в Рязани.²³ Под 1412 г. летопись отмечает: «Того же лета меженина в Новгороде в Нижнем, купили меру ржи по соржку алтын и по четыре алтына старыми денгами».²⁴

Таким образом, принятие новгородцами иноземной монеты в 1410 г. — только эпизод в цепи трансформаций областных денежных систем, их изменений, вызванных, надо полагать, единой достаточно мощной причиной. Такой причиной могли быть несходные изменения денежной нормы Москвы около 1408 г. Иными словами, примерно до этой даты бытовавшая в Москве монетная норма удовлетворяла потребности интритрусского денежного обмена, а затем перестала их удовлетворять, что повлекло в одних случаях согласованное изменение монетных норм (Рязань, Нижний Новгород), а в других — переориентацию систем на иноземную монету (Псков, Новгород). Если это так, то московская денга до начала XV в. должна находиться в рациональном отношении с новгородскими денежными единицами. Из мелких единиц кушной системы Новгорода этого времени нам известны бега (1.87 г серебра) и куна (0.467 г серебра). Между тем, по подсчетам С. И. Чижова, средний вес денег Василия Дмитриевича по 285 экз. равен 20.51 доли, т. е. 0.902 г, а из них чаще всего встречается монеты с весом от 21 до 22 долей (0.924—0.968 г).²⁵ Но ведь эта норма ровно вдвое выше куны и ровно вдвое меньше бега новгородской системы, т. е. находится с ними в простейшем рациональном отношении.

Все монеты, чеканенные в Москве после 1410 г., С. И. Чижов, основываясь на наблюдениях над кладами, считал имеющими вес менее 21 доли.²⁶ Иными словами, в этот период в московской чеканке происходит существенные изменения, осложнившие то соответствие, какое наблюдается ранее. В свете сказанного особую актуальность сегодня приобретает исследование хронологии

²¹ М о л о д в я г и н А. П. Денежное обращение... с. 13.

²² Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1914, с. 32.

²³ Ш о р т и Н. А. Монеты великого княжества Рязанского (2-я половина XIV—1-я половина XV в.). Автореф. канд. дисс., М., 1971, с. 19.

²⁴ ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, с. 43.

²⁵ Ч и ж о в С. И. Дроздовский клад русских денег времени вел. кн. Василия Дмитриевича Московского. — Труды Numismat. комис.-сии, вып. 3. Пб., 1922, с. 6.

²⁶ Там же, с. 7.

и метрологических особенностей московского чекана времени великого княжения Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.).

Вернемся, однако, к «кунице». Если 122 «копы грошей» равны 15,25 куниц, то с одной куницы брали оклад в 8 грошей, т. е. 480 литовских монет или «четверетец». Рациональная окладная сумма с одной обки при этом получается лишь при признании равенства куницы 12 обкам. Она соответствует в этом случае 40 литовским монетам, или же 40 «четверетцам», или же, наконец, 10 новгородским денгам. Между тем, как доказывает обращение к материалам нового письма по волости Буице, доходность обки в 1495 г. вытекала к новгородской гривне, т. е. к 14 новгородским денгам. Такое несоответствие прекрасно разъяснил А. Л. Шапиро: «Поскольку цены на хлеб в 1470-е годы были ниже, чем в 1490—1500-е годы, нельзя считать равными рубль старого и рубль нового письма. Когда мы исчисляем старый натуральный оброк в деньгах нового письма, мы должны, очевидно, переводить на курс нового письма и старые денежные повинности. А так как рожь по старому письму стоила 7 денег, а по новому — 10 денег, перевод денег старого письма в деньги нового осуществляется путем введения коэффициента, равного $10/7$ ».²⁷ Применение указанного коэффициента в нашем случае дает вполне удовлетворительный результат: 10 денег $\times 10/7 = 14$ денгам.

Т. И. КИТАЙНИЦА

КАРТЫ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ
ГЛАВНОГО ИНТЕНДАНТСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
СЕРЕДИНЫ 70-х гг. XIX в.

(торговые операции с хлебом)

Вступление России на путь капиталистического развития, социально-экономические преобразования первых пореформенных десятилетий, общая эволюция хозяйственной жизни страны вызвали необходимость накопления и изучения статистических сведений. Учреждение первых статистических институтов, организация ряда экономико-географических исследований, оживление земской статистики способствовали этой цели. Собранный специальными отделами центральных ведомств и земскими учреждениями статистический материал в итоге сложной и кропотливой работы ложился в основу обобщающих экономических трудов, служил основой картографических положен.

²⁷ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в., с. 34.